

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БОГОМОЛОВ

(16.12.1950 – 20.11.2020)

Николай Алексеевич был одним из первых настоящих ученых, которых я увидел в жизни. Это был 1989 (кажется) год, когда профессиональный филолог неожиданно оказался нарасхват – журналы и издательства наперебой печатали только что разрешенную литературу, что по странной романтичности эпохи сделалось делом государственной важности. Роль ключаря при сокровищнице только добавляла внушительности его и без того впечатляющему облику, сильно, кстати, на первый взгляд контрастирующему с изящной речью и филигранной тонкости текстами. Последние я уже неплохо знал: напечатанная годом раньше статья про Ходасевича (которая стала предисловием к волюму «Библиотеки поэта») была, вероятно, не для одного меня чем-то вроде филологического откровения: вот так можно и должно писать о поэзии. Но личное знакомство добавило к этому и без того многомерному тексту новые координаты: как если бы выяснилось, что Илья Муромец в свободное от подвигов время пишет венки сонетов.

Вышедшие в год-два после этого комментированные издания Гумилева, Ходасевича, Гиппиус и Георгия Иванова смотрятся из сегодняшнего дня чем-то вроде египетских пирамид: совершенно невообразимо, как один ученый (да даже и с соавторами) мог без компьютера и интернета, не отрываясь от прочих неотложных дел, проделать культурную работу такого масштаба. Такое бывало под силу отдельным титанам и полубогам из прошлого, вроде Бартенева или Семевского – но то, что нам выпала честь быть современниками историографа сходного калибра, требовалось осознать. Между тем с годами детали этой работы поневоле приоткрывались: пишущему эти строки не раз и не два случалось, придя в тот или иной архив в одиннадцатом часу, увидеть за единственным занятым столом безошибочно узнаваемую фигуру и, подойдя поздороваться, встретить насмешливо-дружелюбный взгляд: «Опаздываете, коллега». Работоспособности он был феноменальной: шесть, восемь, десять

часов в архиве без перерыва, сперва за тетрадками, а после за ноутбуком, отвлекаясь лишь на неизбежных посетителей.

Сколько этих часов, складывающихся в дни, недели, месяцы просижено в одних и тех же библиотечных и архивных залах – уже и не сосчитать. Еще больше видено характернейших «см.» в листах использования: иногда с теплотой узнавания, а когда и с затаенным восхищением от неожиданно совпавшей замысловатой архивной догадки, только пришедшей ему в голову четвертью века раньше. В нашей профессии есть свои этические тонкости (и немало): Николай Алексеевич был в этом отношении носителем рыцарства самой высокой пробы, предпочитая лишний раз переспросить, не положил ли кто глаз на такой-то материал – и всегда с легкостью сильнейшего уступая свое неоспоримое первенство. Замечательно тактичен он был и в качестве соавтора: у нас есть несколько совместных работ, а еще одна, большая – только в планах и наметках (Н. А. собирался, сдав юбилейный двухтомник, заняться ею – но увы, увы). Работать вместе – трудно, но с ним было хорошо. «Со всеми Вашими суждениями (кроме собак!) согласен», – начинается его последнее письмо ко мне: речь шла о том, кого нужно, а кого не стоит включать в именной указатель.

Сейчас, конечно, думаешь: сколько всего не сказано, не сделано, не дописано. Получив от него в подарок книгу про авторскую песню, я успел (тоже при встрече в ОР РГБ – и стараясь не отвлекать от работы, не транжирить дорогого архивного времени) сказать, как мне понравилось его предисловие с замечательной мемуарной интермедией. «Может быть, напишете воспоминания? Мы издадим». Он хмыкнул и что-то сказал с непередаваемой своей интонацией в том смысле, что посмотрим, есть о чем подумать. И, кажется (а как сейчас проверить), я не постеснялся повторить пришедшее на ум – что когда он вел блог в старом еще ЖЖ (кстати сказать, рачительно сохраненный сервисом)¹, было очень интересно и приятно его читать, так сказать, вне кафедры.

---

¹ См.: [URL: <https://n-bogomolov.livejournal.com>].

Про кафедру, конечно, нечего и говорить. Студентом я не слышал его лекций, но на конференциях всегда заранее предвкушал удовольствие: в Петербурге, Москве, Вене, Иерусалиме – он, аккуратно ступая, с пачкой отпечатанных листов, легко поднимался на лекторское место – и проводил, фигурально выражаясь, двадцатиминутную экскурсию по местам, куда без проводника никак не попасть. Читал он без аффектированного артистизма, сверяясь с бумагой, но феноменальная логика быстрой мысли в сочетании с классически точной речью производили абсолютно завораживающее впечатление. Совершенным шоком для меня было, что Н. А., несмотря на десятки лекций ежемесячно, волнуется перед каждым докладом не меньше любого дебютанта (случайно разговорились за кулисами). Собственно, эта черта его личности, открывающаяся с годами, требовала с нашей стороны особенной рефлексии: уже давно добившись практически всех возможных для филолога почестей, он ни на градус не сбавлял требовательности к себе. Однажды, по условиям общей работы, мне понадобилось пересверить за ним полсотни страниц текста, набранного еще в докомпьютерную эпоху: на весь этот гигантский корпус не нашлось и одной опечатки. Эта требовательность не обращалась на других – в научном смысле он был в высшей степени великодушен – но само его присутствие рядом взывало к точности.

И не только: будучи сам выдающимся библиографом (профессия по степени самоумаления сочинителя почти монашеская), Н. А. хорошо понимал, чего стоят работы в этой области. И когда я, благодаря обстоятельствам личного характера, на полтора десятка лет переключился с истории литературы на библиографию, он был единственным, кто рецензировал – умно, тонко, благожелательно – все выходящие мои книги. Трудно передать, насколько мне важна была эта поддержка – и, по счастью, я успел сказать ему об этом. Щедр он был необыкновенно: никогда не расточая пустые похвалы, он находил способ подтвердить, что твой текст заинтересовал его и оказался небесполезным. Чаще всего это было какое-то а прогос, но сказанное так, что все делалось понятно: на манер

замечательной догадки в недавней истории о великоустюгском сборнике². Всего месяц назад!

Еще одна область, где мы порою встречались – книжное собирательство: Н. А. был одним из немногих ученых, хорошо понимающих азарт и пользу коллекционирования. Обладая редким даром тактильного чувствования словесности, он превосходно разбирался в предмете – и тоже, между прочим, переносил в эти грубоватые просторы свое привычное благородство: помню, как мы обсуждали одну аукционную новинку – «Если вам не надо, я бы попробовал приобрести».

Пару лет назад, в пылу многолюдных ученых обсуждений (кажется, речь шла об утверждении сметы каких-то многотомных изданий на десятилетия вперед), один из выступавших проговорил – вот петербургские будут делать то-то, а группа Богомолова – то-то (имея в виду нас с коллегами). Я сперва усмехнулся, а потом подумал: «А правда, как иначе сказать? Действительно – группа Богомолова».

А теперь мы одни.

А. Л. Соболев
(Москва)

---

² См.: [URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/299616.html>]; ср. реплику Н. А. Богомолова от 27 октября 2020 г.: «Еще одно соображение: а не могла ли Е. А. Глинка быть дочерью Глинки-Волжского? Глеба-то мы знаем, а вот проверить, не было ли еще детей, – было бы не лишне. Тем более, что и фонд немаленький» ([URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/299616.html?replyto=9985376>]).